

ЧАСТЬ IV. РАЗДЕЛ V. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ГЛАВА 19. ВВЕДЕНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ ИНСТИТУТОВ

Осознанное включение институтов в научную теорию заставит представителей общественных наук, в частности экономической науки, критически взглянуть на поведенческие модели, лежащие в основе этих дисциплин, чтобы затем более систематически, чем это делалось до сих пор, изучить влияние несовершенной и затратной переработки информации на поведение актеров.

Норт Д.

19.1. КРИТИКА НЕОКЛАССИКИ И НАЧАЛА ТЕОРИИ ИНСТИТУТОВ

Этой главой мы не собираемся опровергнуть все то, что было изложено ранее и что будет изложено после. Экономическая теория к началу нового века имеет достаточно богатую историю своего развития, представляющую интерес не только для специалистов в области исторического анализа экономической мысли. Здесь будет подвергнута сомнению некоторые постулаты, принципы и модели той части экономической теории, которая вступила в противоречие с практикой, чем существенным образом затормозила не только процесс развития последней, но является тормозом развития самой науки. Однако то вовсе не означает, что предшествующий материал теории является не нужным. Просто надо иметь в виду и понимать назначения и пределы использования каждого подхода и инструментария науки об экономике, равно как и возможности использования полученных выводов.

Экономическая наука развивается вместе со своим объектом с – практикой. Однако понятие "развитие" означает довольно сложную и противоречивую процедуру методологических, понятийных, инструментальных и модельных открытий науки об экономике, которые являлись в первую очередь следствием их сопоставления с опытом, т. е. хозяйственной практикой. На формально–логическом

уровне как любая другая наука экономическая в том числе имеет свойство создавать видимость развития, не отражая при этом изменяющуюся реальность и практику. Рано или поздно это противоречие теории с практикой вызревает и создает условия для глубокого социально-экономического кризиса, поскольку люди на разных уровнях воспринимают неполную и ложную информацию о происходящих процессах и принимают неверные решения в своей деятельности. Таким образом, если учесть, что экономическая наука имеет ту специфику, что кроме выполнения всех известных функций последняя в том числе еще и формирует политико-экономического образ мышления хозяйственных агентов, а, следовательно, и их поведения, то становится более понятной известная мысль Кейнса¹, об исключительном месте и роли "плохих" и "хороших" идей экономистов в общественном прогрессе.

Если классическая политэкономия, соединив в своем подходе синкретические начала философии, экономики, политики, техники и права, осуществляла поиск объективных законов развития через выяснение причинно-следственных связей, то неоклассическая теория с субъективистско-утилитарной направленностью придавала значение чисто экономическим принципам функционирования хозяйственных процессов.

Экономисты мейнстрима последних двадцати лет с удивительной настойчивостью пытаются объяснить или описать достаточно сложный и динамичный мир лишь с помощью денег, вместо того чтобы, например, как физики, обнаружившие новые явления, сказать, что эти новые факты не объясняются с помощью существующей теории физики.

Экспансия *mainstreama economics* широко проявилась в содержании учебных планов вузов, а также в тех учебниках и учебных пособиях, которые массово издаются в течение последних десяти лет, но мало чем отличаются друг от друга. Неоклассический подход с его традиционными разделами, такими как микро-, макро- и мировая экономика, дополненных иногда вырванным из контекста местным материалом, присутствует буквально во всех книгах по экономической теории. Примечательно и то, что в западных

---

¹ "...Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы и когда ошибаются, имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди-практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого" (Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993. С. 518).

учебниках по экономической теории также стремятся обходить стороной многие острые проблемы и конфликты, имеющие место, как в современной реальной жизни, так и присущие неоклассической теории. Например, без внимания остались аксиомы построения теории и моделей, тезисы о предпочтениях, проблемы экономического развития, дискуссионные вопросы всеобщего равновесия Вальраса-Эрроу-Дебре, институциональные условия применимости различных теоретических конструкций и моделей. "Ограничив предмет экономической теории, – пишет М. Блауг, – неоклассики открыто признались в своей некомпетентности за пределами поставленных ими границ и, таким образом, исключили не только ряд выводов на уровне здравого смысла, но и несколько ценных идей... Неизбывный методологический грех неоклассической теории состоял в том, что она использовала микростатические теоремы, выведенные из «вневременных» моделей, в которых отсутствовали технический прогресс и увеличение доступных ресурсов для предсказания хода событий в реальном мире"¹.

В Европе первая брешь в позитивном традиционализме, основанном английской политической экономией, была пробита известным социологом и экономистом М. Вебером, который на большом фактическом материале подтвердил влияние на экономические результаты страны духа нации в целом и религиозного в частности. С. Н. Булгаков и В. Зомбарт пытаются описать социально-экономическую систему в зависимости не только от религиозных, но и психологических, этических, других исторических и социокультурных факторов. Можно также отметить К. Маркса, который целостно представил мир экономики, политики и всего духовно-социального через призму производственных отношений, в котором отношение стоимости и капитала выступали системообразующими генераторами развития капиталистического способа производства. Однако это исследование было выполнено в классических политико-экономических традициях, а не чисто экономических со всеми вытекающими отсюда целями, методологией, результатами и их конкретными пользователями. Маркс попытался через систему господствующих стоимостных отношений, соединив логическое и историческое, заглянуть за пределы к тому времени уже сформировавшегося института рынка, где господствовал капитал как

---

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 650.

доминирующее явление. Последний оказался далеко не безупречным по многим параметрам уже на тот период, что в последующем нашло отражение и подтверждение в работах экономистов-теоретиков через понятия "экстерналии", "сбои рынка" и тому подобное. "Чистые экономисты", к которым относятся неоклассики, многие институты воспринимали как нечто раз и навсегда установленное, без учета самого процесса их формирования, влияния на весь блок экономических отношений и обратную связь экономики с общественно-политическими и морально-этическими традициями и нормами поведения. Естественно, в логике экономического анализа эти важные институционально–социологические аспекты всего общественного воспроизводства также были вынесены "за скобки" т. е. они отсутствовали и не учитывались.

Однако в начале XX в. американцы Т. Веблен, У. Митчелл и Дж. Коммонс дают начало новому направлению в политической экономии – институционализму¹. Термин "институт", "институция" в переводе с латинского ("institution") означает устойчивые традиции или закрепленные обычаи, порядки в виде установленных правил, общественных норм или законов. Впервые вводит в научный оборот это понятие У. Гамильтон, рассматривающий институт как своего рода стержень общественной системы. "Институты, – по определению У. Гамильтона, – это словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они обозначают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы или превратился для народа в обычай... Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспособливаем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную связь институтов"². Представители институционализма кроме критики ортодоксальной теории и существующего общественно-экономического устройства пытаются создать иную, лучшую экономическую теорию, преодолевающую недостатки высокой абстракции, узкой функциональной сферы анализа, игнорирование негативных фактов действительности и фрагментарность. Они также обратили внимание на малоактивность "модной" в то время неоклассической теории, ориентирующуюся

---

¹ В это время достаточно сильные позиции еще занимала историческая школа Германии, поддерживаемая российскими учеными–государственниками.

² Цит. по: Экономическая энциклопедия: Политическая экономия. В 4 т. М., 1975. Т. 2. С. 84–90.

лишь на созерцательность и пассивность восприятия. Речь в данном случае идет о позитивной части экономической теории. На сей счет чуть позже обратит внимание В. Ойкен: "...Если научное мышление уклоняется от решения задачи политики порядков, то оказывается, что другой силы, способной решить эту задачу, нет. Это означает передачу нас в руки анархических политических и экономических властных группировок, их функционеров и идеологий"¹.

Институты являются как условием, так и результатом экономического и общественного развития в целом. И хотя никто не отрицает их цементирующей роли в социальном прогрессе, других значимых и важных функций, выполняемых ими, все же в экономической теории представление обо всем этом воспринималось аксиоматически, как нечто само собой разумеющееся. В том числе и по этой причине в область экономического анализа институциональные факторы не попадали.

Последние же всегда составляют стержень, т. е. "несущую конструкцию" любого общественного образования. "То, как работает экономика, – пишет Д. Норт, – определяется смесью формальных правил, неформальных норм и механизмов, которые их закрепляют. И если правила можно изменить за одну ночь, то неформальные нормы обычно меняются лишь постепенно. Но именно нормы придают «легитимность» системе правил и потому революционные перемены никогда не бывают столь революционными, как того хотели бы их сторонники"².

Как совершенствование, так и изменение, т. е. "перестройка", "трансформация" социально-экономической системы предполагает в первую очередь обращение к институциональному устройству. Однако приходится констатировать, что наши "системные трансформации" со всеми в общих чертах описанными неблагоприятными результатами закладывались и осуществлялись вот уже более чем десяток лет под сопровождение неоклассической экономической теории. А она, как известно, занимает, хотя и шаткое, но пока еще положение *mainstreama economics*, чей авторитет заметно ослабевает не только под влиянием логической критики этого направления теории, но и в силу серьезного ухудшения общей экономической ситуации в мире, с появлением новых теорий. И дело

---

¹ Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995. С. 435.

² Норт Д. Цит по: МЭ и МО. 1996. № 6. С. 7–8.

здесь не только и не столько в оценке общепринятых экономических показателей, воссоздающих общую картину экономического мира в понятных категориях теории, к которым обращаются в разных интерпретациях экономисты, политики и практики. Неустойчивость и нестабильность социально-экономического развития, неопределенность будущего, обусловленная многочисленными современными глобальными проблемами, предопределили освоение уже новых, еще непривычных с точки зрения мейнстрима экономической теории областей и сфер хозяйственной деятельности. Это, например, проблема выбора стратегии мирового социально-экономического развития и качества роста, институциональное строительство и институциональные изменения, процедура и алгоритм принятия политических решений, сочетание эффективности и справедливости в распределении. Естественно, исследование этих новых "полей" и объектов должно осуществляться (и частично это уже делается) не совсем традиционными подходами, методами и инструментами, что сопровождается вполне объяснимыми для всякого нового начала острыми дискуссиями и трудностями анализа, доведением итогов исследований до широкой аудитории экономистов.

К началу XX в. рынок как институт со всеми своими составляющими уже не только сложился, но и выработал пострыночные (посткапиталистические, неэкономические, постиндустриальные, информационные) институты, изменив существенным образом сегодняшний мир-экономики. Признак глобализации становится доминирующим не только в мирохозяйственных связях, но и в развитии национальных экономик, с которым нельзя не считаться ни на практике, ни в теории. Естественно, все эти изменения попадают в поле зрения не только экономистов, но и широкого круга исследователей по футурологии, социологии, политологии, философии и пр. наук. Однако заложенный философией позитивизма в неоклассическую теорию стереотип экономического мышления все же не позволяет иметь целостное представление о современной экономике в различных ее аспектах.

Широкий спектр институциональных образований всегда выступает конечным итогом и следствием экономического развития, закрепляющим этот процесс. Однако это невидимое ограничение, принимаемое классико-неокейнсианскими течениями а priori без каких-либо оговорок и доказательств, дополняется такой методологической установкой, как рациональность и свобода выбора

индивидуума. Но здесь также не все так просто, как представляется. "Свобода выбора и рациональность индивида" не есть некие раз и навсегда заданные характеристики, полученные от божественного начала. Они являются следствием действующих в обществе определенных норм и правил, традиций и обычаев, а также всего того, что называется институтами. Это не какие-то экзогенные, а вполне ярко выраженные эндогенные факторы, имеющие, кроме функциональных, причинно-следственные связи и взаимозависимости. Абстрактный "индивид", "хозяйствующий субъект", "экономический агент", "потребитель" и "производитель", к которым обращаются представители неоклассической теории, не могут находиться в вакууме, а являются живым воплощением, преемниками институциональной среды. Она, эта среда, задает параметры и рациональности, и свободы выбора.

Кроме всего прочего, говоря о рациональности и оптимуме, к которому якобы стремится индивидуум в теории функционального анализа, огромное значение играет полнота и своевременность информации о происходящих как внутренних, так и внешних процессах. Абстрагируясь от этого, любой аналитик, проводя самые тщательные исследования, все равно получит картину или модель, может и привлекательную, но далекую от реальной действительности. Для принятия рационального решения в таком случае эта модель будет явно непригодной.

Можно также гипотетически предположить, что рынок обеспечивает в любом случае равновесие на всех уровнях социально-экономической системы. Но реальная процедура достижения этого равновесия, где критерий рациональности зависит от частного лица, располагающего определенным уровнем подготовки, квалификации и т. п., весьма не проста, длительна по времени и отличается обращением к сложившейся институциональной инфраструктуре. Практика показала, а Кейнс теоретически доказал, что так называемое рыночное равновесие на макроэкономическом уровне не обеспечивает наиболее рационального использования ограниченных ресурсов. Поэтому нужна "помощь" или корректировка рынку со стороны внешних, нерыночных сил. Пока эта корректировка понимается достаточно упрощенно, когда более или менее определена взаимосвязь двух институтов – рынка и государства. Однако система взаимодействия экономических и других институтов богаче и плодотворней. Потенциально институциональное регулирование всех

элементов социально-экономической системы несет в себе еще во многом неизведанные, но более широкие возможности для достижения равновесия, развития и роста, нежели исчерпавшее себя во многом государственное регулирование. Причем надо иметь в виду, что понятие "равновесие" также получило несколько интерпретаций: по Вальрасу, Парето, Нэшу, Алле, Курно, Бертрану, Штакельбергу. Это еще раз указывает на сложность экономической системы и на необходимость нескольких подходов к ней для полноты и глубины выяснения всех зависимостей.

Методологические постулаты о предельной полезности, лежащей в основе обменных отношений, и отсутствии издержек при осуществлении этих обменных операций сегодня также неоднократно подвержены тесту на истину. В результате был сделан вывод о том, что и предельная полезность, и предположение об отсутствии издержек в процессе обмена, есть не что иное, как гипотетическое допущение. Более того, если ранее вообще мало кто говорил о трансакционных издержках, включающим издержки по всем обменным операциям и процедуре защиты прав собственности, то сегодня уже даже сама гипотеза о нулевой величине этого вида издержек вообще не воспринимается как позитивная, ориентирующая на плодотворный анализ и рациональное принятие решений.

Если же исключить из неоклассической теории гипотезы о совершенной конкуренции, которой не существует в реальной практике, а также предположение о некоей универсальной рациональности индивида со строго структурированными предпочтениями, то очевидным окажется поиск других подходов и инструментов исследования, одним из которых является теория институционализма.

19.2. ПРЕДМЕТ И РАМКИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Объект анализа институционалистов выходит за привычные ограниченные объектно-субъектные рамки "ресурсы-результаты" с естественным расширительным подходом и к понятию эффективность. Индуктивно-описательный метод также не утопает в многочисленных фактах, чем также "грешила" в свое время историческая школа. Синтез наук позволяет привлечь абстрактно-логические методы, благодаря чему и выводы от частного к общему интерпретируют по-новому в непривычном ракурсе и экономическую

историю. Однако надо иметь в виду, что история – это не только следствие экономического развития, но и предпосылка последнего. Эмпирические наблюдения фиксируют крайне значимую роль институтов на экономику, а также формирование новых институциональных изменений, выявление которых на сегодняшний день уже имеет некоторые эконометрические обобщения. Принцип целостности рассмотрения социально-экономической системы диктует также обращение исследователя к достижению и опыту других наук, т. е. к междисциплинарному анализу. Здесь особое влияние приобретают социология, психология, история, политология, математика. Особо эффективными на сегодняшний день становятся теория игр и статистические методы. Дело в том, что институциональная детерминанта и сами институциональные изменения требуют обращения к качественным методам наблюдения, анализируя уже не результат изменений (например, показатели эффективности и роста), а сам процесс со всеми этапами, формами превращений, доводя их до исходных. Согласно теории институционализма индивидум, хозяйствующий субъект, делающий выбор, находится не в вакууме, а в определенной социокультурной среде. Поэтому и институты не являются какими-то внешними экзогенными факторами, а вполне реальными эндогенными параметрами, влияющими на многие решения и действия хозяйствующего агента. Таким образом, происходит закрепление экономических и правовых норм, которые изменяются в процессе реформ и которые определяют поведение хозяйствующих субъектов, к чему только и обращалась неоклассическая теория. Следовательно, предметом институциональной экономики являются институты и все, связанное с ними и влияющее на экономические процессы.

Любая экономическая модель есть, прежде всего, определенный набор формальных и неформальных норм и правил, которые позволяют субъектам хозяйствования поступать с определенной степенью рациональности, используя ограниченные ресурсы. Рынок также представляет специфическую систему институтов, которые усиливают утилитарную мотивационную деятельность и создают условия для защиты прав частной собственности. Возникший рынок капиталов уже не просто преодолевает через конкуренцию частную собственность, а формирует соответствующий механизм защиты этого типа рынка. Средняя норма прибыли, теория которой разработана классической политэкономией и в частности теорией Маркса,

является критерием эффективности функционирования капиталов и нормой поведения хозяйствующих агентов.

Монополистическая стадия существенным образом "нарушает" свободную конкуренцию таким образом, что монополия и техноструктура, о которой в свое время говорил еще Дж. Гэлбрейт, задают свои, монополистические правила и нормы поведения. И даже неоклассическая теория вынуждена с этим согласиться, добавив в свою теорию фирмы, так называемые, рыночные структуры несовершенной конкуренции.

Много нового в теорию экономики вносит разработка информационного поля, без которого в принципе невозможна эффективная хозяйственная деятельность. Сама информация уже становится самостоятельным особым ресурсом со своими проблемами правовой защиты, передачи прав собственности, принципами ценообразования, критериями эффективного использования. В индустриально-развитых государствах сформировался информационный сектор экономики, в котором уже не "действует" закон убывающей доходности и выработанные неоклассическим направлением критерии оптимизации размеров фирмы, где используются известные предельные величины доходов и издержек.

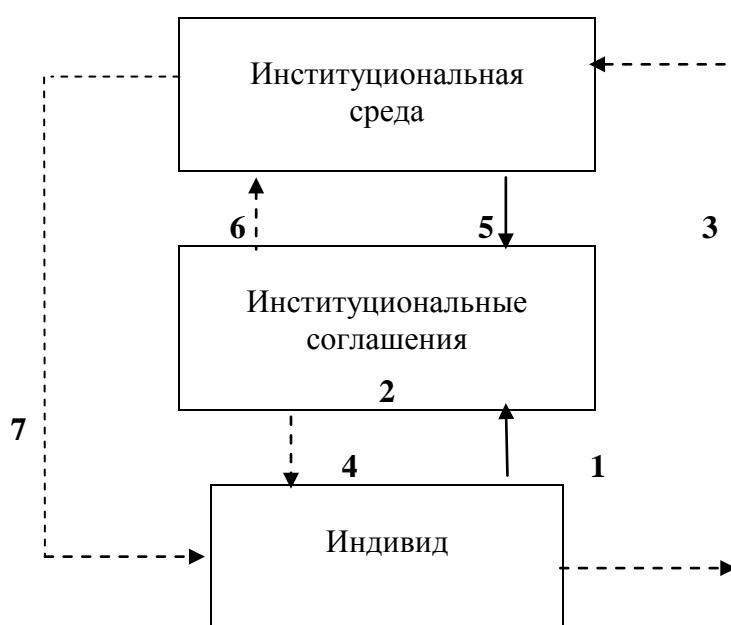
Институциональная программа исследований обращается также и к кумулятивному началу общества, как целого, так и различных его частей. Когда-то только Маркс через революционное разрешение противоречия производительных сил и производственных отношений да Шумпетер через "созидательное разрушение", инициированное капиталистом-новатором не благодаря, а вопреки стремлению к прибыли, пытались объяснить истоки и направления развития экономики, общества в целом. Можно отвергнуть их взгляды, но невозможно отвлечься от самой проблемы, которая переросла в разряд глобальных проблем развития человечества. Заложенный эволюционный подход в теории институциональной экономики также имеет на сегодняшний день некоторые положительные решения на поставленные фундаментальные вопросы человечества.

Уровни институционального анализа можно представить схемой, приведенной ниже. В ней изображено семь уровней, где первые три уровня являются главными. Принятые предпосылки по характеристикам индивида позволяют заметить их влияние на формы и характер институциональных соглашений. В свою очередь индивид не находится в вакууме, а поэтому он будет с естественной

необходимостью выстраивать свои нормы и приоритеты поведения в зависимости от сложившейся институциональной среды. Но эта среда также не является жесткой и не изменчивой. На нее влияют как индивиды, так и устанавливаемые соглашения. Не вдаваясь в подробности характеристик всех этих уровней анализа, всего лишь заметим, что такие связки при всей своей сложности позволяют экономические процессы и явления видеть более масштабно и всесторонне.

Уровни институционального анализа

С х е м а 19.1.

Систему же институтов составляет целостное и сложное образование взаимосвязанных между собой правил и норм, традиций и законов. В зависимости от избранного критерия эту систему можно подразделить на формальные и неформальные институты, системообразующие и второстепенные, первичные и производные (вторичные, третичные и пр.), международные и национальные, экономические и политические институты. Представляет интерес для раскрытия содержания трансформационных процессов выделение особой группы переходных институтов. Конечно, роль и значение каждого из них своеобразное и заслуживает особого рассмотрения. Что же касается, например, переходных институтов, то их главная функция состоит в обеспечении преемственности развития при переходе от одной системы (модели) экономики к другой.

19.3. СТРУКТУРА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

С учетом вышесказанного сегодня общая схема различных направлений институционального анализа выглядит следующим образом. Без преувеличения можно в качестве основания "дерева" институционально-социологических направлений зафиксировать классическую политэкономия. Благодаря критике и развитию ее положений возникла целая "сеть" отдельных теорий, анализирующих те или иные аспекты институциональных явлений. Каждая из этих теорий испытывает "теоретическое влияние" других смежных или альтернативных творческих конструкций. Для краткого пояснения отметим лишь некоторые направления современного институционально-социологического анализа.

Хотя долгое время "старый", т.е. традиционный, институционализм в силу ряда обстоятельств и не проявлял себя достаточно активно, все же он не растворился ни в одном из представленных на схеме 2 теорий институционализма. Более того, его исследовательская программа к своему 100-летию приобрела более ясные и прочные в научном отношении очертания. Осуществляется она через внутренне присущие этому направлению науки установки, методологические подходы и категории, содержание которых было заложено еще Т. Вебленом. Институты здесь выступают главной единицей анализа, а принцип холизма позволяет характеристики индивидуумов выводить из характеристик институтов, а не наоборот. Сами же институты описываются не только выполняемыми функциями, но и складывающейся в конкретно-исторических условиях системой производственных отношений.

Институциональная сложная и многоуровневая среда формирует определенный тип поведения граждан. Эта же среда, по мнению "старых" институционалистов, выступает главной детерминантой стабилизационной эволюции. Таким образом, спонтанность развития, имеющая место в истории, также накапливает свое кумулятивное начало в общественных традициях, нравах, действующих организациях и учреждениях, т. е. всего того, что называется институтами. Подход к развитию, его истокам, направлению, формам и самому процессу развития позволяет все-таки "вынести" Маркса за скобки институционального течения экономической науки, в отличие от имеющихся в литературе других трактовок. Некоторые, например,

Маркса ставит в один ряд с Вебленом, Поланьи, Гэлбрейтом только на том основании, что все вышеназванные авторы видят зависимость индивидов от внешней среды. Однако по этому поводу следует заметить, что Маркс использует в объяснении социально-экономического развития диалектический метод, позволяющий соединить в себе через понятия производительных сил и производственных отношений, не только источник развития, но и его эволюционно-революционную направленность. Обращением к общим и специфическим законам Маркс сводит разнообразие институтов к их постоянству в пространстве и изменчивости во времени. Институциональное разнообразие экономических систем многих государств следует понимать как естественноисторический процесс эволюции и специфического проявления этих общих экономических законов.

19.4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ТЕЧЕНИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Традиционный, "старый", институционализм в зависимости от подходов и объектов своего анализа имеет четыре разновидности, или направления, получившие хрестоматийное признание: психобиологическое (Веблен), социально-правовое (Коммонс), эмпирическое (Митчелл), социологическое (Гэлбрейт). При всей непростой творческой судьбе в части признания и влияния этого научного спектра теории, в целом можно оценить ее как удачную. Критикуя позиции неоклассиков и их модели, институционалисты осваивают новые "мертвые зоны" реальной хозяйственной практики, которые не попадали в привычное русло экономического анализа.

Внимание неоклассиков к острым проблемам хозяйственного бытия, с одной стороны, и признание абстрактности "изящных" по форме постулатов теории, с другой, приводит к возникновению нового институционализма (*new institutional economics*) и неoinституционализма (*neoinstitutional economics*). При всей своей однозвучности эти два направления существенно отличаются друг от друга парадигмальной основой и отношением к ее "жесткому ядру" и "защитной оболочке", которые выделяет известный эпистемолог И. Лакатос, обращаясь к проблемам развития научного знания. Первое направление делает попытку (и на наш взгляд успешную) создать новую теорию институтов, поскольку, как считают его

Структура институционально-эволюционного направления

представители, нельзя, находясь в заданных жестких границах позитивного анализа, адекватно оценить во многом неизведанную институциональную среду, влияние которой стало в условиях неопределенности и глобализации явно доминирующей. Кратко эту проблему можно сформулировать как поиск направления (целеполагание) модели и стратегии социально-экономического развития как мира в целом, так и места в нем национальных государств.. Дело в том, что контрапунктом неоклассики выступала в традиционно признанных институциональных условиях лишь проблема равновесия (частичного или полного), что далеко не адекватно таким понятиям, как "эволюция", "развитие", "институциональная стабильность и равновесие". Таким образом, первый удар неоклассикам был нанесен по равновесию, описанном моделью Вальраса–Эрроу–Дебре, теорией игр. Последняя, как известно, не является самостоятельным направлением в экономической теории и тем более институционализма, однако именно в теории игр (Дж. Нейман, О. Моргенштерн, Дж. Нэш) равновесие получает более широкую интерпретацию. Например, теорией игр делаются допущения, что равновесия может не существовать вообще (!?) или же одновременно может быть несколько его точек. При этом обнаруживается, что точки равновесия далеко не всегда соответствуют точкам оптимума по Парето.

К тому же равновесное состояние является всего лишь моментом экономической динамики. "Цена достижения равновесия" является особой проблемой, разрешение которой позволило бы оптимизировать экономическую систему а priori, а не после факта установления равновесия.

Представители новой институциональной экономики также "расщепляют" своей плодотворной критикой фундаментальное понятие неоклассиков о рациональном и свободном выборе. Фиксируется внимание при этом не только на познавательных (cognitive) ограничениях индивидуума, обусловленных различными причинами, но и на немалые информационные издержки. "Разум, способность к обработке информации, – пишет Г. Саймон, — тоже являются редкими ресурсами"¹. Иначе говоря, если потребитель примет во внимание издержки на получение и обработку информации,

---

¹ Simon H. Rationality as Process and as Product of Thought // American Economic Review. 1978. Vol. 68. № 2. P. 12.

то он уже стремится не к оптимальной, а удовлетворительной рациональности, т. е. заранее ограниченной информационными издержками.

Теорией новой институциональной экономики ставится под сомнение и известный тезис неоклассиков о стабильном, строго структурированном и эндогенном характере предпочтений потребителей. Если же в целом говорить о судьбе новой институциональной экономики, то это направление существенно продвинулось в "теории соглашений" (Л. Тевено, О. Фавро) и "теории регуляций" (Р. Буайе), "эволюционной теории" (Р. Нельсон, С. Винтер) и "институциональной компаративистики" (П. Грегори, Р. Стюарт, Я. Корнаи, Д. Коландер, А. Гручи). Можно выделить и другие частные теории нового институционального направления. Однако именно процесс самого развития этих теорий делает эту процедуру классификации явно затруднительной и несколько условной. Это в равной мере относится и к теории неoinституционализма, краткую характеристику которой мы сейчас и представим.

Принципиальное отличие неoinституциональной экономики (neoinstitutional economics) состоит в экономическом (неоклассическом) подходе к анализу институциональной среды, которая признается также важным фактором влияния на экономические процессы. Основателем неoinституциональной теории экономики считают Р. Коуза, который в 1991 г. получил Нобелевскую премию за новаторские работы в области исследования транзакционных издержек и прав собственности, идеи которых были им опубликованы еще в 1937 году. В отличие от А. Смита, который предполагал, что сам обмен или рынок не связан с издержками, Р. Коуз выдвигает гипотезу о положительной величине издержек обмена и защиты прав собственности, получившей в последующем название теоремы Коуза.

Исследовательская программа Р. Коуза и других неoinституционалистов предполагает при экономическом подходе к другим явлениям (институтам) наличие более широкого спектра форм собственности и их всевозможных юридических проявлениях. Выделение объектно-субъектных элементов собственности дает основание на эффективное существование коллективной, государственной, акционерной форм собственности. При этом сравниваются их преимущества и недостатки при осуществлении

сделок на рынке, а также в процессе организованного использования ресурсов непосредственно фирмой.

"Теория прав собственности" (Р. Коуз, Р. Познер, С. Пежович, А. Оноре, Э. Остром), таким образом, соединяет экономику и право через "пучок прав" собственности, в которых как бы адекватно и получает реализацию последняя. Конкретным завершением сделки выступает договор или контракт, который становится объектом анализа в "теории оптимального контракта" (Дж. Стиглиц, Дж. Колеман, Й. Макнил).

Поскольку общепризнанным становится участие в той или иной форме в хозяйственной деятельности такого института, как государство, то в "теории общественного выбора" (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон) политикам имплантируется тот же экономический интерес, что и хозяйствующим агентам. Политика же представляется здесь как арена обмена на рынке.

Неоинституционалисты очень основательно переосмыслили роль и значение информации в рыночной среде (Дж. Стиглер, К. Эрроу). Вводится понятие информационных издержек, т. е. издержек, связанных с поиском и получением информации о ситуации на рынке. Рациональный выбор индивидуума ставится в зависимость от располагаемой каждым в конкретный момент объемом информации. Кроме информационных издержек, сопутствующих всевозможным рыночным операциям, особое значение придается "транзакционным издержкам". Последние, по определению Р. Коуза, опосредуются всякого рода транзакциями, в результате чего происходит любое отчуждение и присвоение прав собственности, а также принятых в обществе свобод. Существенное дополнение в понимание рыночной реальности вносит неоинституциональная "теория организации" (Р. Коуз, М. Аоки, О. Уильямсон) и экономической истории (Д. Норт). Значимость, например, исследований через призму транзакционных издержек и институционального подхода к различным областям общественной жизни подтверждается Нобелевской премией, которой были награждены в 1993 г. Д. Норт и Р. Фогель. Оформилось целое направление, названное "новой экономической историей". Нетрадиционный экономический подход к институту семьи Г. Беккера также отмечен этой высокой наградой. Его "теория домохозяйств" может сильно повлиять не только на проводимую в западных государствах экономическую и социальную политику, но и на

решение возникшей проблемы основ социального устройства постэкономической цивилизации.

Подводя итог лишь вводному аспекту в область институционального анализа, отметим, что любая теория имеет смысл тогда, когда она открывает новые горизонты знания. Институциональный подход преодолевает сложившуюся за многие годы в экономической науке междисциплинарность, а следовательно, и фрагментарность, "дефект" знания. Влияние же сегодня разного рода институциональных ограничений на правильный выбор при принятии решения политика, менеджера фирмы, обычного хозяйствующего агента и потребителя огромный. Поэтому, думается, исследовательская программа теории институциональной экономики своим плодотворным развитием дает шанс на преодоление не только многочисленных частных, но и проблем, имеющих фундаментальное значение. Известный психолог К. Ю. Юнг писал: "...Если аналитик не сделает определенного усилия и не подвергнет критике свою точку отсчета, признавая ее относительность, он никогда не соберет верной информации и не углубится достаточно полно в сознание пациента"¹.

19.5. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОБСТВЕННОСТИ

Как справедливо заметил Ф. Прайор, «никому еще не удавалось разработать общую позитивную теорию прав собственности, которая могла бы объяснить различия и степень национализации экономики отдельных стран»². Вместе с тем любая новая система начиналась с передела собственности без особых разъяснений.

Методологические подходы к анализу проблемы эффективности государственного и частного сектора определяются рамками имеющихся в структуре экономической теории школ и направлений. Это, как известно, классическая политэкономия, марксизм, кейнсианство, неоклассический синтез, институционализм, маржинализм.

Однако частные и более конкретные теории можно сгруппировать следующим образом:

1. Теория государственных услуг и общественного товара (Э. Линдаль, П. Самуэльсон, Дж. Стиглиц).

2. Теория общественного выбора и принятия политических реше-

---

¹ Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1981. С. 58.

² Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1997. С. 42.

шений (К. Виксель, Р. Познер, Р. Матсрейв, Дж. Бьюкенен, М. Олсон).

3. Теория эффективного спроса и бюджетного регулирования (Дж. Кейнс).

4. Теория эффективного предложения и денежного регулирования (Г. Стайн, М. Фридмен).

5. Экономическая теория "прав собственности" (Р. Коуз, А. Оноре).

6. Теория политического влияния (Ж.-Ж. Роза).

7. Надстроечная теория экономической роли государства и теория дефицитной экономики (Я. Корнай).

8. Надстроечно-базисная теория экономической роли государства (А. И. Пашков, Н. А. Цаголов).

9. Теория оптимального функционирования экономики (В. С. Немчинов, Н. П. Федоренко, В. Н. Черковец).

10. Теория двухуровневого функционирования социалистической экономики (Н. А. Цаголов, В. Н. Черковец).

Перечисленные выше западные, а также отечественные и восточно-европейские теории, безусловно, с различной степенью полноты исследуют и решают проблему эффективности государственного сектора экономики. Но они, давая необходимый исходный материал, ориентируют на дальнейшую проработку этой проблемы. В Беларуси в силу ряда причин при анализе экономики республики почти не дифференцируется зависимость всех социально-экономических результатов от формы собственности. Мало где преподается дисциплина "Экономика государственного (общественного) сектора". Иначе говоря, здесь "все кошки серы", а государство приобрело некую абсолютную магическую силу, способную "поддерживать" или не "поддерживать" эту экономику. Однако надо понимать, что формы государственной поддержки, ее активность, масштабность, направленность зависят как от сложившейся отраслевой и технической структуры экономики, от устоявшихся связей и отношений, так и от институтов политики и права. Маркс в "Нищете философии" писал: "...Во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требование экономических отношений"¹. Таким образом,

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 4. С. 65–185.

политическая институциональная инфраструктура может, с одной стороны, обеспечивать полную реализацию имеющегося в стране социально-экономического потенциала, а с другой – своим "государственным порядком" нарушать естественный ход "экономического порядка".

Экономическая история XX в. подтверждает, что нарушение интердепенденции (взаимосвязи) порядков (экономического, политического, социального, институционального) оправдано лишь в том случае, если сформированная (старая или новая) политическая инфраструктура институтов может в полной мере сконцентрировать усилия всей общественно-экономической и геополитической среды, обеспечив ей динамику, рост и развитие с минимальными расходами на содержание всех политических институтов.

Важно избежать бессмысленных разговоров о приватизации-национализации, видеть и знать не только содержание собственности, которое раскрывает классическая политэкономия, но и видеть процедуру установления или спецификации прав собственности. Ведь если права собственности не установлены, то частная собственность на средства производства будет такой же неэффективной, как и государственная собственность. Но принципы функционирования механизма реализации собственности анализирует неоклассическая теория, которая признает за аксиому лишь существование частной собственности.

Институциональный подход уже под влиянием фактов, которые свидетельствуют о неэффективности функционирования и частного сектора иначе не было бы кризисов и отношения отчуждения в рыночной экономике, фокусирует внимание на правовых аспектах реализации собственности.

Существует около десятка правовых традиций, которые так или иначе выражают свое отношение к институту собственности: общее право, романо-германское, мусульманское, китайское, африканское и др. виды права. Существовало, как известно, до недавнего времени и социалистическое советское право. В этом нет ничего удивительного, равно как и в том, что в переходных экономиках также создаются специфические правовые системы, которые до половины производства ВВП загоняют в «тень». Высокая степень коррумпированности аппарата политико-правового института – особый признак создавшейся управленческой инфраструктуры.

С точки зрения реализации общих рыночных принципов наиболее характерными являются общее, или прецедентное, право и гражданское, называемое иначе романо-германским правом. Эти две правовые традиции обеспечивали, по сути, формирование института рынка в западных странах: общее, или прецедентное, в США и Великобритании и гражданское в странах континентальной Европы. Для прецедентного права характерно закрепление права собственности на основе доказательства того, что претендент реализовывал это право де-факто в течение длительного времени. При этом учитывается обоснованность претензий на объекты собственности другой стороны, если они есть. В гражданском же праве существует принцип подчинения закону, из которого соответствующая норма извлекается судьей применительно к конкретному случаю. Степени субъективизма судьи в этой правовой ситуации стараются избегать в отличие от общего права. Применительно к трактовке собственности предполагалось, что собственником какого-либо ресурса может быть лишь один человек, который наделялся правом владения, пользования и распоряжения. В трактовке общего права собственность понимается как сложный «пучок» правомочий. Допускаются правомочия на один и тот же ресурс различных людей. Спецификация прав собственности предполагает не установление одного абсолютного собственника, а закрепление за каждым правомочием определенного собственника. Вот как выглядит «пучок» правомочий, выделенный юристом А. Оноре¹. *Право владения* – это физический контроль над собственностью и намерение осуществлять исключительный контроль, в том числе и посредством представителей владельца, т. е. особых агентов. *Право пользования* представляет собой право на личное использование вещи. В свою очередь *право распоряжения* выступает управленческой функцией, поскольку благодаря ей закрепляется, как и кем может быть использована вещь. *Право присвоения*, или право на доход, регулирует обладание благами, проистекающими от предшествующего использования вещи или от разрешения другим лицам пользоваться этой вещью. *Право на остаточную стоимость* закрепляет отчуждение, потребление, продажу, изменение или уничтожение вещи. *Право безопасности* должно гарантировать защиту от экспроприации или другого посягательства на вещь. Переход вещей *по наследству* или по

---

¹ Капельюшников Р. Экономическая теория прав собственности. М., 1999. С. 11–13.

завещанию также закрепляется в особом виде права. Правом также регулируется длительность *обладания правомочиями*, что оговаривается в контракте. *Право на запрещение* вредного использования регулирует негативные внешние эффекты от использования вещи. Право, с одной стороны, и обязанность, с другой – взыскивать или рассчитываться по долговым обязательствам. Наконец, одиннадцатое правомочие представляет собой *право на остаточный характер* или же возврат переданных кому-либо правомочий по истечению определенного срока.

Все эти виды права закрепляются в определенных контрактах, выбор которых также зависит от естественно-исторических и социально-экономических условий. Сделка купли-продажи, аренда, финансовый лизинг, франчайзинг или траст выступают конкретными видами деятельности, в которых «пучок» собственности распространяется по-разному на различных лиц с их правами и обязанностями.

19.6. ИНСТИТУТ ИДЕОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ

Экономисты, которые в силу своего предмета и используемой методологии, казалось бы, обязаны были выразить свое отношение к идеологии, до последнего времени старались ее вообще игнорировать. Некоторое исключение из общего ряда экономических работ составляют, например, теория общественного выбора, которую иногда называют "новой политической экономией" и неoinституциональная теория экономики.

Но если идеология пронизывает все сферы общественно-экономической деятельности человека, то, очевидно, что и в процессе анализа этот компонент не должен не только из него исключаться, но и прямо или косвенно имплантироваться в теорию. "Отношение между личностью и обществом, – пишет Дж. Бьюкенен, – в большей степени является основным вопросом политической философии, чем экономики. Но любой экономист, пытающийся пролить свет на эту взаимосвязь, неизбежно вторгается в пределы философии — глубочайшей области научного познания"¹. Конечно, все это не так просто, поскольку экономическая наука, во-первых, не имеет опыта и традиций инструментального анализа экономической системы в

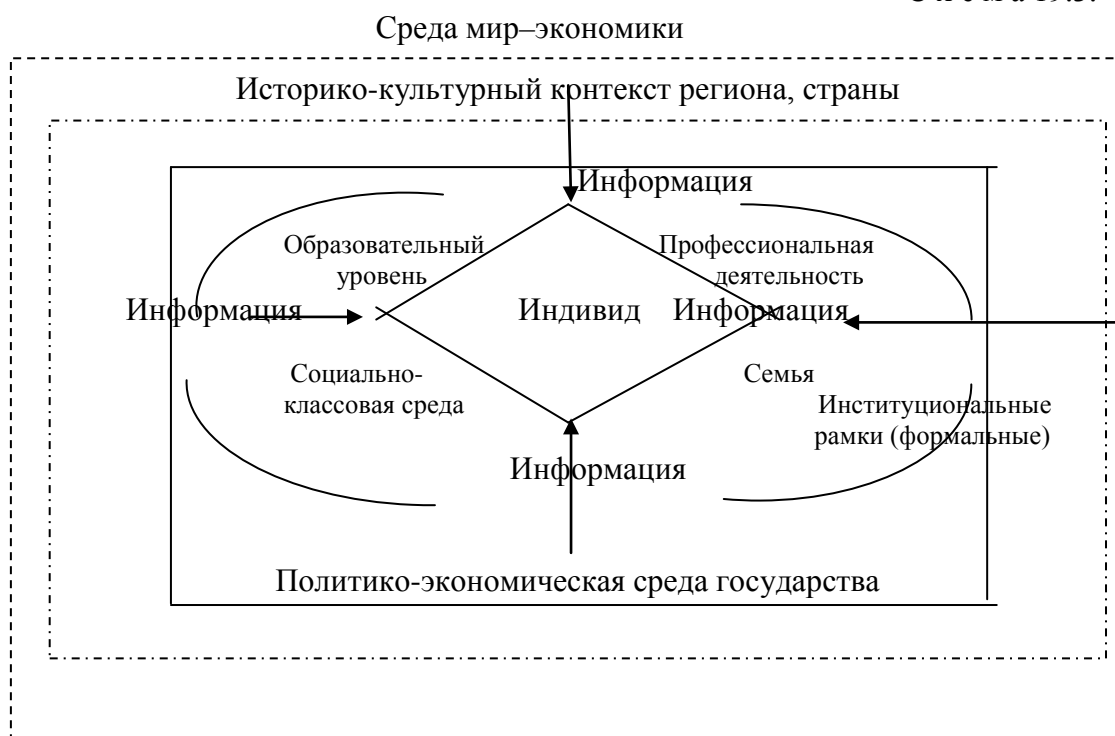
¹ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. М., 1997. С. 18.

контексте ее идеологического выражения. Во-вторых, идеология в силу своей специфики сама по себе крайне сложно поддается формализации без существенных потерь своего содержания. Однако сложность такой процедуры не должно исключать идеологию из среды экономического поля в теории и практике.

Абсолютно неверно утверждение, что идеологии была подвержена только социалистическая (коммунистическая) система. Самая сверхлиберальная политико-экономическая система также пронизана общей идеей, как и ее противоположность, например, система жестко централизованного устройства. Наш тезис состоит в следующем: идеология — не какой-то инородный элемент экономики, от которого следует и можно избавиться. Идеология представляет собой внутренний компонент любой социально-экономической системы, о чем свидетельствует ниже приведенная схема 3.

Институциональная структура,
определяющая поведение человека.

С х е м а 19.3.

Более того, эффективной может быть лишь та модель экономики, которая имеет свою центральную идею и осознанное ее выражение, которая поддерживается большинством граждан, как

потребителей, так и производителей, политической, научной и культурной элиты.

Как институт идеология не возникает на пустом месте. Всегда существуют предпосылки любой идеологии. Оказывая влияние на все сферы жизни человека, она и сама подвержена влиянию истории, концепциям и теориям, внешней среде, опыту. Можно видеть реальный переход идеологии протестантской идеологии, проповедовавшую классиками и неоклассиками, к кейнсианской, которая основывалась на идее стимулирования потребления, а следовательно, и совокупного спроса.

Идеология в явных и неявных формах выполняет следующие важные функции в экономической системе. Во-первых, она, прежде всего, в концентрированном виде формулирует общую стратегию развития той или иной экономической модели развития и функционирования. Во-вторых, идеология определяет общие контуры общественных норм взаимоотношений между людьми с учетом многослойности и различия интересов населения. Ф. Энгельс подчеркивал, что государство, основанное на "Общественном договоре" Ж. Ж. Русо, не могло стать ничем иным, как "идеализированным царством буржуазии", оно оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. В-третьих, идеология служит объединяющей и цементирующей основой общества. "...Вера производит теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцем и духом"¹. Если же консолидирующей идеи нет, то возникает многочисленное количество партий и группировок, как, например, в абсолютном большинстве постсоциалистических государств. И в "чистую экономику" здесь никак не уйти, поскольку политические силы формируют или могут сформировать ту или иную институциональную внешнеэкономическую и макроэкономическую среду для соответствующей хозяйственной деятельности. В-четвертых, идеология выполняет важную коммуникативную функцию, позволяющую воспринимать и настоящее и будущее на одном уровне представлений. В-пятых, сходство представлений об объекте предполагает некоторую универсальность и в поведении различных людей и их групп. Таким образом, господствующая идеология

---

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 69.

позволяет прогнозировать складывающуюся ситуацию и делать нормативные выводы. Ограниченная рациональность как идея, пронизывающая существующую экономическую теорию, приводит к общественной слепоте и непониманию происходящих современных процессов.

Если взять, например, такие государства, как Беларусь, Россию, Украину и другие, которым до сих пор не удается выйти на эффективный путь развития, то одна из причин такого положения заключается в отсутствии адекватной и цельной идеологии в этих государствах. И дело не только в том, что не учитываются историко-культурные особенности этих стран. Проблема состоит еще и в том, что общая идеология складывающейся системы есть составляющая разных ее сторон и уровней, о которых известно общественности. И хотя, безусловно, должно быть их соответствие даже по закону гармонии, к которому стремится любая система, включая общественную, создатели новых государственных систем, к сожалению, этого не обеспечивают. Общая идеология разветвляется как бы в ряд частных, сохраняющих каждая по себе в той или иной форме основной, философский компонент общей национальной идеологии. В свою очередь, стержнем последней выступает политико-экономическая доктрина страны, разработка которой предполагает учет многих составляющих. Таким образом, молодые демократические государства натолкнулись в своих намерениях к лучшему на то, с чем начинали бороться, – с преодолением или уничтожением старой социалистической идеологии и образовавшимся вакуумом в области общей стратегии развития, которая фиксируется в ... этой же идеологии страны. Парадокс обнаруживается лишь в том, что разрушение прежнего института идеологии начиналось сверху, формально и весьма решительно. Достаточно же образованному обществу, выработавшему и впитавшему за десятилетия прежнюю систему ценностей, определявших нормы поведения людей, не было предложено *соответствующей* замены культурологических, экономических и других ценностей и ориентиров, позволивших бы этим людям реализовать свой профессиональный уровень и чувствовать себя лучше, комфортнее, защищеннее, материально обеспеченнее. В качестве альтернативы прежней идеологии была предложена достаточно абстрактная формулировка времен А. Смита, без учета национальных исторических традиций, развития, сложившихся культурных и экономических связей.

В структуре же идеологии различные компоненты имеют свой век существования. Не всегда свобода также выступала человеческой ценностью. "...Несвободные работники, — пишет Л. Мизес о периоде рабства, — привыкли к своей зависимости и не воспринимали ее как зло"¹. В период же становления рыночной экономики свобода выступила как одна из важнейших ценностей, подталкивающая к социальным превращениям и увеличению своего пространства. То же можно сказать о равенстве—неравенстве, о критерии социальной справедливости. Переход от зависимости к свободе может быть воспринят человеком не как благо. Неумение реально в жизни осуществлять свой выбор, представленный свободой, приведет к росту издержек разного рода и к падению объемов производства.

Правильная оценка значения идеологии в системе общественных институтов позволяет осуществлять и лучший выбор в направлении инвестиционной политики. Например, общественный порядок можно достигать как через образование, так и с помощью правоохранительных органов. И то и другое требует каких-то затрат. Но лояльность населения к существующему общественному порядку, поддерживаемому с помощью правоохранительных органов, может уменьшиться даже при росте затрат на эти органы. И это будут чистые издержки общества. Затраты же на образование обеспечат не только общественный порядок, но и повысят трудовой потенциал страны, ее культуру. Может быть, это и не всегда так, но, по крайней мере, учет идеологии в таких расчетах, позволяет сделать оптимальный выбор проекта.

Надо отметить, что выработка новой идеологии, с которой можно было бы уверенно войти в XXI в., это не только проблема постсоциалистических государств. Уже не один кризис, в том числе и идеологический, был преодолен тем или иным способом западным обществом. Но это были кризисы локального характера, когда не требовалось смены фундаментальных основ общества как целостной и сложной системы, испытывающей уже на протяжении нескольких последних десятилетий серьезные "перегрузки", проявления которых крайне различны. Сегодня экономисты, кроме уже известных и признанных "внешних эффектов" рынка, занимаются категорией транзакционных издержек как отражением одного из проявлений "перегрузок" этой общественно-экономической системы. Самый

---

¹ Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 1995. С. 27.

общий вывод, который можно пока сделать из теории транзакционных издержек, состоит в том, что разделение труда и обменные операции, на которых основывается хозяйственная деятельность в рыночной модели, приводят к огромным нерациональным с точки зрения общественно полезного эффекта затратам. Но, думается, что проблема транзакционных издержек для более плодотворных и конкретных выводов нуждается прежде всего в смене методологии и подходов к ее позитивному разрешению. "И рынки, и правительство, – пишет Дж. Бьюкенен, – терпят провалы, и нет никакой благосклонной «мудрости». Человек 70-х попал в ловушку дилеммы. Он понимает, что две «великие альтернативы», «laissez-faire» и социализм, умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождения"¹. Идеология современной мир-экономики, безусловно, отличается по содержанию от национальных государств, скажем, в 30–40-е гг. XX столетия, когда преобладала континентально-страновая идеология. В целом же механизм "работы" идеологии в экономике чрезвычайно сложен и он зачастую невидим и поэтому игнорируется. Но можно однозначно сказать, что эпоха "чистого экономизма" со своими критериями эффективности и другими расчетами закончилась еще в начале 30-х гг. XX в. Плотность экономического поля, опосредованная углублением разделения труда, возникновением новых технологий, интенсивным освоением сокращающихся ресурсов, предельным уровнем использования трудового потенциала с его мотивацией, обусловила его столкновение с областью, или с полем, социально-культурных и нравственно-этических отношений. Так или иначе, однако вовсе не случайно Д. Норт в качестве одного из ключевых направлений развития экономической теории выделил направление теории идеологии².

Существенно новый аспект понимания социально-экономических процессов вносит теория транзакционных издержек, идея которой, как уже было высказано Р. Коузом еще в 30 годы. Транзакционные издержки опосредуют всякую транзакцию и защиту правомочий собственности.

Под транзакцией следует понимать деятельность человека в форме отчуждения и присвоения прав собственности, а также принятых в обществе свобод, которые осуществляются в процессе

---

¹ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. М., 1997. С. 430.

² Denzau A., Nort D. Shared mental Models: Ideologies and Institutions // *Kyklos*. Vol. 47. 1994. P. 3–31.

планирования, адаптации и контроля за выполнением взятых обязательств. Это определение созвучно с понятием Коммонсом, который отмечал, что «транзакции – это не только обмен товарами, а скорее отчуждение и присвоение прав собственности и свобод, созданных обществом. С помощью же совокупности институтов, таким образом, только и возможна реализация интереса каждого человека, представляющего нечто отдельное и в то же время особенное. Через транзакции человек индивидуальный интегрируется в экономическое сообщество.

Понятие «транзакция» отличается от обмена тем, что позволяет индивиду войти в социально-экономический фон, в единую ткань, в единое поле. Транзакции по сути равняются реальным производственным отношениям, о которых в свое время говорили классики политической экономии. Таким образом, транзакции содержат в неявной форме три момента, одновременно являющихся отражением трех видов социальных отношений: конфликта, зависимости и порядка. Как говорил Э.Дюркгейм, в них проявляется «выхождение» человека за собственные границы своего индивидуального, добавляя к социокультурной природе¹.

Хрестоматийным примером транзакции является приобретение экономическим агентом собственности на земельный участок. То, что не делал бы Р. Крузо, необходимо делать данному человеку: собирать информацию, проводить переговоры, искать юриста, оформлять акт купли-продажи, страховать, регистрировать права, хранить документы, защищать свою собственность и пр.

Транзакционные сделки – это фактическое присвоение в процессе обмена прав собственности, получения свобод, основанных на экономическом интересе и согласии каждой из сторон в соответствии существующими правовыми нормами и процедурами.

Транзакции являются следствием разделения труда, необходимостью обмена и защитой прав и свобод. Однако любые транзакции сопровождаются транзакционными издержками. Транзакционные издержки – это все издержки, связанные с обменом и защитой правомочий собственности, реализацией свобод. Согласно этому общему определению транзакционные издержки есть эквивалент трения в механических системах. Транзакционные издержки, таким образом, – это издержки эксплуатации рыночной системы. Экономисты-теоретики, разрабатывая модели рыночной

---

¹ Дюркгейм. Э. Разделение общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 19.

экономики, никогда не ставили вопроса о том, что сама рыночная система нуждается в общественных и индивидуальных издержках по своей эксплуатации. Р. Коуз годов выдвигает гипотезу о том, что эти издержки не равны нулю. Справедливости ради надо отметить, что еще Маркс в свое время заявил о дополнительных и чистых издержках обращения. Вот как раз последние он относил к издержкам, которые несет общество без дополнительного полезного эффекта. По сути они являются своего рода трансакционными издержками. Но Р. Коуз более предметно высказался о трансакционных издержках и причинах их существования.

Почему же они существуют? Однозначного ответа на этот вопрос нет до сих пор. Ведь неоклассики признают только те издержки, которые опосредуют процесс производства. Такие издержки они называют трансформационными.¹ Т.е. это издержки по трансформации продуктов и средств труда в новые потребительные стоимости. Признание трансакционных издержек ведет к необходимости изменения и парадигмы этой теории, так как конкуренция и обмен в ней признаются идеальными без сопровождения всяких издержек.

В самом общем виде можно выделить несколько причин существования трансакционных издержек. Во-первых, несовпадение экономических интересов людей и хозяйствующих агентов, которые располагают разными ресурсами. Во-вторых, всегда существует неопределенность в экономической и социальной ситуации, заставляющих людей действовать по защите своих прав, свобод и имущества. В-третьих, в любом обществе существует недопроизводство институтов, что заставляет их членов к большим затратам, чем это требуется в определенный период времени. В-четвертых, «производство» институтов и поддержание их деятельности также требует издержек. Э. Фьюроботн и Р. Рихтер пишут, что трансакционные издержки можно рассматривать как ценность ресурсов, направленных на создание и использование институтов. Если бы институты были свободными благами, то они бы не обладали альтернативными издержками и не влияли бы на эффективность размещения ограниченных ресурсов.

Это приводит к изменению экономических условий хозяйствования со знаком «плюс» или «минус». Но проблема состоит

---

¹ На наш взгляд, термином «трансформационные издержки» лучше всего обозначать издержки по изменению институтов, т.е. по институциональной динамике.

в том, что требуется определенное время и критическая масса социально-экономических условий для институциональных изменений. Процедура эта всегда лежит под общественным контролем и она достаточно консервативна. Товарные же трансакции в качестве предпосылки имеют сложившуюся институциональную структуру, обеспечивая какой-то результат. Наглядно это видно из следующей схемы. Примером могут быть экономики США и Мексики, которые существенным образом отличаются по всем параметрам, хотя территориально разделяются лишь границей.

К. Эрроу определил трансакционные издержки как «затраты на управление экономической системой». Экономические агенты создают институты для преодоления несовершенств рынка, что неизбежно связано с несением издержек. Таким образом, *трансакционные издержки можно определить как издержки по формированию и функционированию институтов (соблюдению и обеспечению соблюдения правил и норм), а также подготовке и осуществлению процесса их изменения всей системы отношений.* Согласно К. Эрроу, экономический институт возникает как реакция на присутствие трансакционных издержек, и для того, по-видимому, чтобы минимизировать их воздействие, повышая тем самым выгоды от обмена. Чем выше в экономике интенсивность обмена, тем выше при прочих равных уровень трансакционных издержек.

Выделяют: 1). Издержки, возникающие до обмена (*ex ante*). 2). Трансакционные издержки, возникающие после обмена (*ex post*).

Перейдем к классификации трансакционных издержек, предполагая как и О.Уильямсон, что они возникают *ex ante* и *ex post* (до и после заключения сделки). Эта классификация несколько схожа с классификацией Фьюроботна и Рихтера.

Издержки *ex ante*. А). Издержки поиска информации. Они включают затраты на поиск информации о потенциальном партнере, о ситуации на рынке, а также потери, связанные с неполнотой и несовершенством приобретаемой информации. Кроме затрат ресурсов сюда входят и затраты времени персонала. Б). Издержки ведения переговоров включают затраты на ведение переговоров об условиях обмена, о выборе формы сделки. Основным инструментом экономии такого рода затрат – использование стандартных (типовых) договоров. В). Издержки измерения касаются затрат, необходимых для измерения качества товаров и услуг, по поводу которых совершается сделка. Они растут по мере роста требований к качеству и точности измерения.

Громадная экономия издержек измерения была достигнута человечеством в результате внедрения стандартов мер и весов. Однако в свою очередь требования международной стандартизации и сертификации уже имеет и отрицательный эффект, поскольку выросли из-за этого транзакционные издержки. Г). Издержки заключения контракта отражают затраты на юридическое или нелегальное (неформальное оформление сделки), постоянное поддержание юридической стороны сделки.

Издержки *ex post*. А). Издержки мониторинга и предупреждения оппортунизма. Они касаются затрат на контроль за соблюдением условий сделки и предотвращение уклонения от выполнения этих условий. Б). Издержки спецификации и защиты прав собственности. Они включают расходы на содержание судов, арбитража; затраты времени и ресурсов, необходимых для восстановления контракта прав, а также потери от плохой спецификации прав собственности и ненадежной защиты. В). Издержки защиты от третьих лиц включают затраты на защиту от претензий третьих лиц (государство, организованной преступности и т.д.), на часть полного эффекта, полученного в результате сделки. Есть еще транзакционные издержки самой процедуры обмена.

Выделяют явные и неявные транзакционные издержки. Эксплицитные (явные) - это те издержки, которые принимают или могут принять форму денежных платежей поставщикам транзакционных ресурсов. Имплицитные транзакционные издержки экономический агент явно не оплачивает, и поэтому статистически учесть их очень сложно, а если можно, то только косвенным образом. Совокупные и средние транзакционные издержки. Средние транзакционные издержки могут быть рассчитаны путем деления совокупных транзакционных издержек на число сделок. Следующие две классификации представляют собой внутренние характеристики транзакционных издержек.

С точки зрения происхождения транзакционные издержки можно разделить так, как это представлено в таблице.

Транзакционные издержки	
Нерыночные транзакционные издержки	Стоимость транзакционных услуг
Неизмеряемые транзакционные издержки	Измеряемые транзакционные издержки

19.7. ДИНАМИКА ТРАНЗАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Согласно современной неинституциональной теории, многочисленные производственные единицы в государственном плановом хозяйстве СССР не могут быть определены как фирмы, поскольку имевшиеся у них права в подавляющем большинстве случаев сводились лишь к использованию факторов производства. На деле они были несамостоятельными структурными подразделениями. Возникновение фирм может происходить двумя способами: превращением государственных предприятий в фирмы или путем создания новых фирм на «пустом месте».

Трансформация государственных предприятий в фирмы началась еще во второй половине 80-х годов. Но только второй этап, начавшийся реально в начале 90-х годов характеризуется передачей государством всего пучка полномочий предприятию, независимо от формального собственника. Имеет значение то, что с этого времени изменилась институциональная структура переходных экономик, в том числе и белорусской. Стали иными связи между экономическими агентами - фирмами, домохозяйствами, государственными органами.

Статистика пока не дает такого показателя как транзакционные издержки. Однако его можно считать, обращаясь, например, к транзакционному сектору. Его рост свидетельствует о неэффективности функционирования рыночной экономики.

Впервые попытку системной оценки транзакционных издержек в экономике США за 1870-1970 годы предприняли Д.Норт и Дж.Уоллис.

Несмотря на проблематичность, неоднозначность в подсчетах транзакционных издержек более или менее можно выделить установившиеся 5 типов отношений и соответствующих им видов деятельности:

- а) отношений между отдельными покупателями продавцами;
- б) внутрифирменные отношения;
- в) производство услуг фирмами – посредниками различных видов;
- г) отношения, связанные с защитой прав собственности и свобод;
- д) отношения по управлению на разных уровнях.

Такой перечень подтверждает, что трансакционные издержки пронизывают всю систему отношений в экономике и связаны со всеми типами поведения индивидов.

19.8. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ИЛИ МЕТАТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ

По сути, с изменения институтов начинается эволюционная динамика любой социально-экономической системы. Это с одной стороны. С другой – возникающие новые институты фиксируют с той или иной степенью полноты устойчивости и эффективности генерируемые эндогенно и экзогенно новые изменения. Однако экономическая литература, формирующаяся в традициях мэйнстрима, имеет существенный пробел по социально-экономическому развитию, где институтам принадлежит, если и не первоочередное, то уж по крайней мере решающее значение. Функциональный анализ, оформившийся в рамках категорий микро- и макроэкономики, институты принимают как некоторую данность. К чему это приводит, дает оценку Д. Норт, который пишет: "В то время как фундаментальные неоклассические предпосылки о редкости ресурсов и, следовательно, конкуренции были здравыми (с точки зрения основ анализа), предположение о беспрепятственном (frictionless) характере обмена завело экономическую историю в тупик"¹. Если говорить конкретней, то, например, анализ института собственности через призму сложившейся рациональности, обуславливающей поведение хозяйствующих агентов, позволяет видеть в ней лишь характеристики мелкой частной собственности, несмотря на весьма значимые произошедшие здесь изменения.

Институциональное направление современной экономической науки под влиянием практических обстоятельств постепенно преодолевает образовавшийся вакуум в теории. Под влиянием

---

¹ Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопр. экономики. 1997. № 3. С. 6.

научного освоения проблем, свойственных для переходных экономик, где институциональные изменения определяют радикальность и масштабность преобразований, в последних началась корректировка проводимой экономической политики. Ее, на наш взгляд, можно охарактеризовать как переход от "шока" к рациональности, т. е. к разумной взвешенности в формировании национальной экономической политики.

Попробуем в замене одних институтов на другие определить некоторые закономерности. И здесь придется возразить уважаемому мэтру институционализма Д. Норту, который главным агентом институциональных изменений видит предпринимателя как лицо, принимающее решение¹. Но, во-первых, доля предпринимателей в обществе вовсе невелика, чтобы они могли составить социокультурную и экономическую основу общества. Во-вторых, предприниматель принимает решения на основе получения и оценки информации по внешним и внутренним условиям своей фирмы. В-третьих, как следует из теории менеджмента, предприниматель, делающий свой бизнес в других странах, вынужден учитывать местный фактор и менталитет импортирующей капитал страны. Иногда столетий недостаточно, как свидетельствует история, чтобы вместе с капиталом импортировать и соответствующие институты. Опыт транзитивных экономик подтверждает неэффективность многих созданных в Беларуси, России и других молодых демократических государствах формальных институтов, заимствованных из других стран. Однако их эффективное функционирование в других странах вовсе не обеспечило эффективности институтов в странах-импортерах. Скорее, наоборот, если обратиться к многим экономическим показателям: растут трансакционные издержки и практически не повышается резко снизившаяся с началом "перестройки" эффективность экономики.

Понятие "института" отражает слишком многогранный уровень отношений, чтобы сразу определить главного агента изменений одного института, не говоря уж о какой-то системной трансформации. Заслуга А. Смита состояла в том, что в новой зарождающейся на тот период системе он расставил по своим местам системообразующие институты: мораль, государство, класс предпринимателей, труда и отношения между ними. Рассуждения шотландского мудреца о производительном и непроизводительном труде, его определения

---

¹ Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопр. экономики. 1997. № 3.

стоимости хорошо иллюстрируют противоречиво наметившиеся общественные и экономические изменения. Сама классификация институтов (формальные и неформальные, системообразующие и производные, основные и второстепенные, экономические и политические, социальные и этнические, традиционные и искусственно формируемые, зарождающиеся и умирающие) позволяет заметить динамику их изменений, равно как и силы, генерирующие и осуществляющие эти изменения. Естественно, что скорость изменения разных институтов будет различная, так же как эффект (положительный или отрицательный) от "распада, разложения" старых и возникающих новых институтов. Уход в историческое прошлое СССР, например, побудил З. Бжезинского увидеть в этом "грозящую катастрофу накануне XXI века", а Л. Туроу написать книгу о будущем капитализма в многополярном мире¹.

Чтобы заметить необходимость институциональных изменений, спрогнозировать их динамику, спланировать этапность и все необходимые мероприятия для практического осуществления этих перемен (реформ), необходимо как к каждому институту в отдельности, так и к их целостной системе подходить с четырехмерной позиции, например, X, Y, Z и t. Первая сторона системы координат (X) позволит построить набор предпочтений потребностей человека от простого утилитаризма до уровня социальных потребностей, одной из которых является потребность в самореализации способностей индивида (А. Маслоу). Вторая линия (Y) фиксирует набор неформальных общественных ценностей и ограничений, от обычаев и простых нравов до осознания научных и культурных ценностей. Линия Z отражает набор формальных правил, от простых (межличностных, групповых) до конституционных. В позиции t получает классификацию функциональный аспект институтов. Например, в СССР существовал Госплан, который вместе с Госснабом осуществлял сбор информации и распределение ресурсов для производства и соответствующего потребления. По сути, эти функции во многом должны осуществляться и в рыночной экономике. Однако выполняются уже совершенно иной институциональной инфраструктурой. Остается подсчитать затраты и эффект (с учетом трансакционных издержек) от одних и других видов институтов,

---

¹ Бжезинский З. // США: Экон. Полит. Идеол. 1994. № 4—5; Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999.

выполняющих универсальные функции. Другим примером может служить институт страхования, который принципиально отличается по организации и механизму осуществления в прежней экономике государственного типа и рыночной экономике.

Хотя сделать это и непросто, однако делать такие расчеты затрат и выгод на нововведение институтов все же необходимо. Одна идея состоит в том, чтобы сравнить ожидаемые выгоды от введения нового института с затратами на эту процедуру. Общий вид формулы выглядит так:

$$\sum [V'_t / (1 + r)^t] > C_i + \sum [C'_t / (1 + r)^t],$$

где V'_t — ожидаемые выгоды в период времени t ; C_i — первичные издержки, необходимые для институционального нововведения; C'_t — вторичные или "операциональные" издержки институционального нововведения; $(1 + r)^t$ — норма дисконтирования для периода t . Рациональные игроки, если они таковыми являются, невзирая на морально-этические проблемы, всегда возникающие в оценке введения новых институтов, должны все же при выборе институтов отдать предпочтение ожидаемым выгодам. Эта идея (сравнение затрат и выгод) вполне может быть использована на уровне фирмы, которая заключает контракты. Сравнение в данном случае идет в направлении затрат на подготовку и заключения контракта и получаемого от его заключения дохода.

В результате установления новых правил и ограничений, кроме всего прочего, должна снижаться неопределенность и риск совершаемых операций и действий для всех участников сделки. Это достигается установлением порядка, который просчитывается каждым субъектом экономических отношений. Здесь принимаются в расчет и возможные санкции за нарушение вводимого нового порядка. Поэтому взвешивая все "за" и "против", участники институциональной сделки могут принять или же не принять новые правила поведения. Реальная практика формирования новых институтов состоит в том, что далеко не всегда эти новые правила распространяются на лиц, которые их планируют и вводят. Не совпадают также источники покрытия затрат на институциональные нововведения с инициаторами последних. Иначе говоря, новые правила, законы и пр. вводят одни, например, законодатели, которые получают за это деньги и другие льготы, а издержки несут

совершенно другие лица. В результате такого "профессионального участия" многие новые институты оказываются нерабочими. Здесь сказывается элементарное "несцепление" вводимых новых формальных институтов с культурной средой той или иной страны. Таким образом, институциональная инновация, кроме того, что требует немалых затрат на ее введение, может создавать условия для роста производственных, трансакционных и социальных издержек на проведение различного рода сделок. Представляется, что устойчивая и глубокая депрессия в большинстве реформирующихся государств, является именно следствием вышеуказанного противоречия. Вводимая институциональная рыночная инфраструктура в этих странах "не вписывается" в их социокультурный контекст исторически сформированных традиций, норм и правил поведения. Скорость проведения реформ ("политика шоковой терапии") заменяет элементарную рациональность и целесообразную эффективность в институциональных преобразованиях. Созданная квазирыночная институциональная инфраструктура создает условия лишь для небольшого количества лиц, извлекающих институциональную ренту, либо эти нововведения абсолютно гетерогенны для интересов и мотивов всего населения страны. Например, около 1/3 граждан Беларуси, имеющих право на получение приватизационных чеков, даже не сделали попытки их получить. Больше половины уже получивших не использовали их по назначению. Это свидетельствует о том, что политика в области изменения института собственности не адекватна сложившимся интересам населения республики. Экспертные оценки (40 % в России и 25 % в Беларуси) функционирующего нелегального сектора экономики также убедительно подтверждают сложившееся противоречие между вводимыми новыми институтами и социально-экономической средой.

Важно видеть то, что институциональная динамика относится не только к странам, осуществляющим системные рыночные реформы, но и к государствам, трансформирующимся из традиционного феодального состояния в капиталистическое рыночное, из индустриального (рыночного) в постиндустриальное (постэкономическое). "Ни одна страна до сих пор, — пишет Дж. К. Гэлбрейт, — не имела опыта навигации в таком марше, который проходят ныне страны недавнего социалистического лагеря... Даже если мерить масштабом предстоящих ста лет, этот великий период

еще долго будет в центре экономического внимания"¹. Эти слова можно в полной мере применить и ко всем другим странам, которые пытаются не отстать в развитии и проводят институциональные изменения, которые в конечном счете определяют экономический и социальный успех в развитии того или иного государства. Как отмечает Нобелевский лауреат Л. Клейн, "рыночные экономики переживают собственный переходный период, но они изменяются менее активно, чем экономики, идущие от "плана к рынку"¹. Институциональная среда также конкурентна, хотя проявление ее механизмов очень специфическое и, естественно, более сложное для изучения. Ортодоксальная экономическая теория пока еще не создала соответствующего методологического и технического инструментария исследования этой сложной сферы человеческой деятельности и отношений. Даже на такой стадии процедуры, как принятие какого-то отдельного закона, весьма трудно распознать действительное стремление реализовать, например, государственный интерес от элементарного эгоистического частного интереса узкого круга лиц, лоббирующих нормативный документ. Но рано или поздно противоречие, опосредованное созданием неэффективного института, приобретает особую остроту и требует своего правильного решения. Поэтому прогнозирование, планирование и проектирование изменений институтов является важной теоретической и практической проблемой. Пока же вопросов в этой области больше, чем ответов. "Несовместимость формальных правил и неформальных ограничений, — пишет Д. Норт, — что может быть результатом глубины культурного наследия, в рамках которого были выработаны традиционные способы разрешения основных проблем обмена, порождает трения, которые могут быть ослаблены путем перестройки всех ограничений в обоих направлениях, и тогда будет достигнуто новое равновесие, значительно менее революционное, чем риторика перемен"² [10, с. 10]. Давая некий ориентир для экономической науки, этот же автор в другом месте пишет, что разработка проблем взаимосвязи трансакционных издержек и роли государства в спецификации и охране прав собственности находится в начальной

---

¹ Galbraith J. R. Economic in the Century Ahead // Economics Journal. Vol. 101, January 1991. P. 46.

¹ Реформы глазами американских и российских ученых. М., 1996. С 31.

² Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопр. экономики. 1997. № 3. С. 6.

стадии, но, несомненно, является тем фокусом, на котором должны быть сосредоточены усилия экономистов³.

Основные понятия

Экономика

Наука экономика

Научный экономический анализ

Классическая политэкономия

Новая политэкономия

Неоклассическая теория

Мейнстрим экономической науки

Методологический индивидуализм

Научный аппарат неоклассической теории

Институт

Структура института

Институциональная экономика

Предмет институциональной экономики

Методология и уровни институционального анализа

Холизм

Фокальная точка

Простой, сложный утилитаризм

Факторы, определяющие поведение людей

Институциональная система

Виды институтов

Метаинститут

Переходные институты

Норма

Структура и виды нормы

Институт идеологии в экономике

Трансакции

Трасакционные издержки

Институционализм традиционный (старый)

Виды традиционного институционализма

Новый иституционализм

Неоинституционализм

Общеэкономическая структура собственности

---

³ The New Institutional Economics / Eds. E. G. Furubotn, R. Richter. College Station, 1991. P. 255.

Политико-экономическая структура собственности
Экономическая теория прав собственности
«Пучок» прав собственности
Эволюционная теория
Теория общественного выбора
Теория «новой экономической истории»
Экономическая теория организации
Семейная экономика (экономика домохозяйств)
Институциональная динамика
Критерии институциональной динамики
Институциональное равновесие